

— Я крестьянин, — повторил он на-
стойчиво. — Деревня наша называется
Могила.

С каштана прыгнула белка. Она садится на краю
скамьи. Я протягиваю ей сухарик. Я захватил его, зная,
что в Лазенковском парке водятся непуганные белки.
Заверек берет его двумя лапками почти человеческим
жестом. И исчезает.

— Деревня Могила... — говорю я. — Помню такую в
Новой Гуте.

— Вот я как раз оттуда...

Он замолчал. Потом с рассеянной вежливостью, явно
думая о другом:

— Вам нравится здесь?

Это совсем не то, о чем он хочет спросить меня. Не-
высказанный вопрос кипит на его губах.

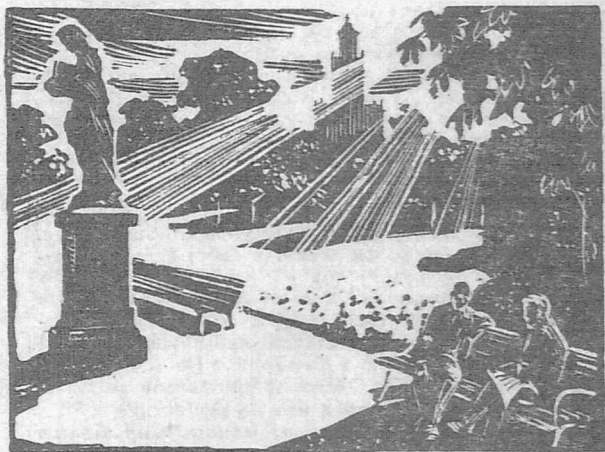
Но я не тороплю его. Пусть созревает.

Спрашиваю:

— А тот большой деревянный крест по-прежнему сто-
ит в Новой Гуте?

Он расширил глаза:

— Вы были там? Вы видели?

— Да, — говорю.

Пока он переживает свое удивление, я погружаюсь в
спокойствие Лазенковского парка.

Над прудом сияет дворец веселого короля Станисла-
ва-Августа Понятовского. Величественно, как царедвор-
цы по паркету, скользят лебеди, изогнув вельможные
шеи и пряча плебейские лапы.

— Вы были там именно в тот день?

Это все еще не тот вопрос.

— Нет, — говорю, — я был позже. А вы?

— А я...

Он глянул на меня, и я увидел, что все его юное, чу-
батое, нетерпеливое, ясноглазое, восторженное суще-
ство преисполняется доверием ко мне.

— Вся наша семья пошла строить Новую Гуту. Мы бро-
сили нашу старую избу в Могилах. Нам дали квартиру.
Ну! Блеск! В соцгороде. В поселке Шклянэ Дома, мо-
жет, знаете? А мы — как в избу. С картошкой, с поро-
сенком. Я был тогда совсем хлопчик. Помню, отец вы-
рубил в коридоре дыру в полу и завесил там капусту.
Поросенка поместили в холодный шкафчик под окном.
Кур — в комнате, на насестах. Сами спали в кухне.
Картошку — в ванну и понесли на рынок. Будете сме-
яться, но в ту пору в Новой Гуте на рынке меры уста-
новились: четверть ванны картошки, полванны картошки.
По воскресеньям бегали в Могилах, в наш старенький
деревянный костел, котовому уже, наверно, лет четыре-
ста. Но вот на открытие комбината прикатил из самой
Варшавы один серьезный товарищ. Банкет нам, строите-
лям, закатил. Речь сказал. Ох, речь! Блеск! Про новые
цеха, про домы. А некоторым даже послышалось, что
в Новой Гуте костел построят. Или это у них после уго-
щения в ушах зазвенело? Только они сразу побежали и
на том участке вбили высокий деревянный крест, что
вы видели. И, правда, скоро навезли туда материалу и
начали строить. Только что? Костел? Да нет, школу...

— Я видел школу. Красивая школа.

— Красивая-то красивая. Но что дальше было! Да
вы, может, знаете?

— Все равно, расскажите.

Я знаю наперед, что он мне расскажет. Но я чувст-
вую, что это только переход к чему-то другому, гораз-
до более важному, сокровенному.

— Ну что... Люди разволновались. Пошли толпой к
раде. Давай костел! Полетели стекла. Стали рвать ася-
кие там ихние бумаги...

Тут я прервал его:

— Слушайте, я ведь знаю, что вы там рвали.

— Я не рвал!

Мимо нас пробегает ватага детей. Они весело кричат.
И мелодия польской речи с ее звонами и пришепеты-
ваниями в их устах поразительно похожа на птичий
щебет.

— Ну, не вы, ну, другие. А ведь главное, что рвали?
Рвали списки налоговых обложений на частных торгов-
цев.

— Ах, вы, значит, знаете? Да, это так. Они шли впе-
реди и орали. А наши перли за ними. Они городские,
бойкие. А мы из Могилах... Что мы тогда знали? Пахать
да сеять...

— А сейчас?

— Не узнаете! Нет, нет, не узнаете нас! Возьмите
хоть отца моего. Он в кузнечном цехе работает. У него
совсем другие понятия стали. Передовик производства,
ну, блеск!

— А капуста в полу? И картошка в ванне?

— Что вы! Смеется, когда вспоминает об этой ди-
косте.

— А в костел в Могилах ходит?

Юноша вздохнул:

— Ходит. Только не в Могилах. В Краков. За восемь
километров. В Марьяцкий собор.

Он поколебался немного, потом сказал робко:

— А можно, я вас спрошу о чем-то?

Наконец-то!

— Давайте.

Он задумывается на мгновение, потом начинает, за-
пинаясь, подыскивая слова:

— Вот почему это так? У нас каждый парень и каж-
дая девушка могут стать кем захотят. Захотят — учены-

ми, захотят — инженерами, летчиками или артистами.
Кем захотят. И становятся. Я, например, к математике
имею тягу. Но не все же так!.. Вот в чем проклятие!
Смотришь, тот сделался официантом. Тот монахом. Кто
заводит себе лавочку. В чем же тут дело? Вот у вас
социализм уже пятьдесят лет скоро. На каком году ре-
бята перестали влипать в болото?

Он смотрит на меня, не отрываясь. Смотрит с пол-
ной верой в то, что я разрешу его юную муку. И я
должен это сделать, я, старший брат, русский брат,
пример для мира, пераенец социализма...

И я говорю:

— Много лет назад, в начале нашей революции, Ле-
нин сказал, что мы строим новое общество, стоя по
колени в грязи старого. Он сказал это давно. Но где-
то там на подошвах грязи еще лепится к нам.

— А мы!

Он напряженно подался вперед, ожидая ответа.

Глядя на него, я вдруг увидел далекое прошлое, бу-
дновские шлемы, и веру в мировую революцию, и
сечу на Перекопе, и наше святое нетерпение, и песню
«Каховка», и молодежные коммуны. И я сказал:

— Это вы сами должны сделать, чтобы благородст-
во, красота, честь пришли ко всем. И они придут ко
всем!

— Когда? — почти кричит он.

— Терпение, терпение!

— Терпение... — повторяет он задумчиво. — А где
его берут? Где вы, русские, раздобыли столько тер-
пения?..

Солнце наконец пробило бетон туч. Я вижу, как в
зарослях парка, в путанице ветвей и трав встает све-
тящаяся пирамида. Я вижу самую плоть света — дрожа-
щую, блестящую. Он движется к нам. И вскоре нас
обоих опутывает сверкающая суматоха фотонов.

В ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ

Это самый центр города. Здесь всегда было людно
и шумно. Толпы прохожих, грохот трамваев, рев мо-
торов.

А сейчас стало еще шумнее. Прибавился гул огром-
ной стройки: какие-то металлические звоны, гудение
подъемных кранов, скрежет самосвалов, визги, стуки,
уханья, даже маленькие взрывы.

Словом, как раз то, что мне нужно.

Я сажусь на скамью спиной к Дворцу культуры, ли-
цом к стройке.

Как хорошо отдыхается среди этого воя!

В тишине никогда так не отдохнешь.

В тишине приходят мысли. Они томят, упрекают, зо-
вут, ласкают, дурманят.

А этот могучий шум успокаивает. Я погружаюсь в
грохочущее небытие.

Несколько высоченных домов вырастает передо
мной. Сейчас такие дома называют холодным техниче-
ским словом — высотные здания. Раньше они называ-
лись картинней — небоскребы.

Я среди племени великанов. Сзади тигант — Дворец
культуры. Впереди встает семья небоскребов.

Еще недавно здесь были руины войны. И в их щелях
лавочки, бараки, ларьки, дощатые сараи, будки —
клоповник большого города. Это называлось: «одно-
этажная Маршалковская».

Я присутствую при ее конце.

То, что я вижу сейчас, я видел несколько лет назад
в макете. Он уместился на столе.

И вот этот макетный зародыш на моих глазах пре-
вращается в стройные рослые дома, похожие на обна-
женных атлетов.

Нет, это еще не дома. Пока это только еще геомет-
рия. Кубы, сферы, параллелепипеды. Ребра, сухожилия.
Они похожи на рисунки в анатомическом атласе: мус-
кулатура человека.

Но скоро все это заблестит огнями. Стекла отразят
небо, птиц, закаты. Здесь будут магазины, кинотеатры,
квартиры, рестораны, гаражи, гостиница, пассажи, бары,
туннель и, конечно, кафе.

Вдруг шум стихает.

Нет, он не прекратился. По-прежнему грохочут трам-
ваи, шаркают тысячи ног, визжат автомобильные тор-
моза.

Но шум сократился, сжался.

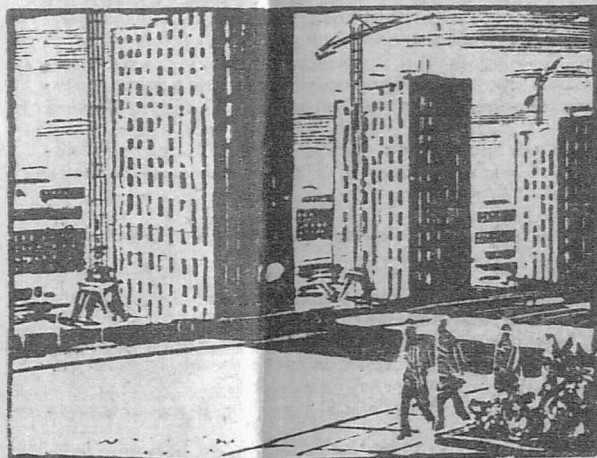
Замолчала стройка. Ее уханья, скрежеты, звоны вы-
нуты из уличного шума.

Я смотрю на часы. Помятно: обеденный перерыв.

Из-под лесов стройки выходят рабочие. Они идут
гурьбой в своих комбинезонах и касках. Потом рас-
сеиваются по улице. Некоторые подходят к пивному
киоску, другие вскакивают в трамвай, третьи усажива-
ются на ступенях Дворца культуры и разворачивают
свертки со снедью.

Есть что-то неуловимо общее в них — молодых и
старых, бодрых и усталых, веселых и задумчивых, шу-
тках и слесарях, крановщиках и водопроводчиках,
каменщиках и верхолазах. Нет, не в наружности, а в
повадках, в ритме самочувствия — какая-то непринуж-
денность и вольность, какое-то уверенное хозяйское
спокойствие.

ВАРШАВА — МОСКВА

Рисунки Н. НИКОЛАЕВА

НОВЫЕ СТИХИ

Эдуард БАБАЕВ

БАЗАР

Привезли на машине
Драгоценный товар,
Голубые кувшины
В Бухару на базар.

Эй, колпачный, горошечный
Скобяные ряды!
Вот кувшин для проточной
Зеравшанской воды.

Сгусток розовой глины
С хорезмийской резьбой.
Голубые кувшины,
Небосвод голубой.

Я слышал еще юным
Эту сказку земли,
Будто жажду Меджнуна
Утолила Лейли.

Голубого товара
Не запомнит базар,
Чтобы шуму базара
Изумился гончар.

И последняя милость —
Волны смывают следы,
Если сердце разбилось,
Как кувшин, у воды.

А живые преданья
Повторяются вновь.
Позабыты свиданья,
Не забыта любовь.

И привозят машины
Драгоценный товар,
Голубые кувшины
В Бухару на базар.

* * *

Остынут пески
От вечерней звезды,
И проводники
Потеряют следы.

А даль все светла,
И все выше бархан...
Где песня прошла,
Там пройдет караван.

* * *

Казалось, не приду
Сюда я никогда,
В ущельях пропаду,
Исчезну без следа.

Но отступает лес,
И камни напролом
Идут за край небес,
Как журавли, углом.

И ветер здесь иной
Слетает с ледника,
И низко надо мной
Проходят облака.